

Ольга Камарго

Родилась 10 августа 1980 года в г. Краснодаре, получила образование по специальности «экономист по бухгалтерскому учету, экономическому анализу и аудиту» в КубГАУ.

С 2006 года жила в Санкт-Петербурге, с 2021-го – в Москве. В настоящее время работает главным бухгалтером.

Номинарована на премии «Писатель года» (2015–2022). Финал 2016–2018. Произведения автора опубликованы в «Чешской звезде», «Трех желаниях», «Крае городов», каталоге ММКВЯ – 2016, 2018, 2020, 2022. Заняла 3-е место на фестивале «ЯЛОС-2017» в номинации «Детская литература». Участник международных конференций «РосКон» (2018–2022). Сквайр фантастики и детской литературы по итогам международной конференции «РосКон-2019». Лауреат третьей степени в номинации «Фантастика» по итогам Пушкинского фестиваля (2019). Участник фестивалей «Поехали» (2019–2022) и мероприятий СКОЛ.

Мальтийский заговор

Фигуры в капюшонах обсуждали в полутемном подвале важные дела. Им не нужны были свет и огласка.

– Слышали, братья, какую силу имеет мытье рук хлорной известью?

– Да, мне кажется даже, что нам нужно больше времени уделять этому вопросу.

– А я слышал, что это только в родильных домах работает. При чем тут все остальные?

– Так грязь – она во всех больницах. Если они еще докажут, что и родильная горячка от этого...

– Никакого «если», брат. «Когда», причем, судя по всему, очень скоро. Вопрос с инфекцией возник как причина высокой смертности.

– А вы давно были в госпиталях? В родильных отделениях? Умирает почти треть родивших. Это очень много.

– Да и данные у нас есть именно по ним. Но опасность касается всех пребывающих в госпитале...

– Вы слышали? Этот венгерский врач говорил об инфекции из мертвецких. Он проверял, исследовал.

– Да, хотя медицина все же не вполне законна, но и не преследуется.

– Зато этого венгра преследуют. Работать не дадут. Земмельвейс же, верно? Слышал, не подпишут ему новый контракт и не продлят старый.

– И на что он будет жить? И работать? Он нам нужен...

– Земмельвейс, Центральная венская больница не продлевает с вами контракта, – говорил главный врач.

– Но смертность в моем отделении почти исчезла! Моя методика работает!

– И при этом вы со всеми переругались! Все жалуются. С вами сложно.

– Я ведь умею работать! У меня хорошие результаты! Меня любят пациенты.

– Вы не расслышали? Эксперименты ваши никому не нужны. Вы ни с кем не ладите. Вас никто не поддерживает. Что, скажете, все – карьеристы?

Земмельвейс горестно развел руками. Плохо говорить о коллегах он не мог. Ну а хорошо... Не это сейчас главное! Как же он не понимает, что страдает дело – умирают люди! Так просто переменить все. Всего-то и надо, что обрабатывать руки хлоркой перед каждым пациентом. Ну и разделить по разным дням посещение больных в палатах и трупов в мертвецкой. Живое – живым. Это не безумные вложения средств и времени.

Они же искали причины эпидемии родильной горячки! И теперь не хотят слышать правду. Как так-то? Хотят волшебную пилюлю? Или кому-то выгодна высокая смертность... Не верится даже, что такое возможно. Столько учиться, пройти такой путь, выяснить причину, понять, как это победить, – и что?

А ничего, ему же сказали: в ссоре со всеми, никому не нужен. Раньше валили на церковь да инквизицию, мол, нельзя вообще лечить. Дал бог болезнь – наказание за грехи, помирай и не жалуйся. Мыться и то нельзя – подозрительно. А теперь вообще причину не говорят. Правда, с одним не поспоришь: не может же всеми повально двигать зависть. Ему остается только откланяться.

Земмельвейс вспоминал свой путь. Где он ошибся?

Может, напрасно он в Венском университете перевелся с юридического факультета? Он сходил тогда в анатомический театр, потом – на несколько медицинских лекций и понял: это – его призвание. Церковь, правда, все еще прохладно относится к лекарям, но уже не мешает. Семья

не нуждается, и он может сам выбирать, чем заниматься. Лишь бы получил хорошее образование.

– Ты заносишься, – говорил ему один из наставников, Франц Брейт. – Могу рекомендовать тебя на свое место – заведующего вторым отделением родильного дома. Я тебе говорил? Мне предложили возглавить кафедру акушерства в университете.

– Да, говорили.

– Но придется молчать. Это ты понимаешь?

– Могу ли я исследовать? Ведь я хорошо продвинулся, у меня есть версия, почему так много женщин болеют родильной горячкой. И итог часто смертельный. А ведь так немного надо, чтобы ею не болели!

– Да, но молча, понимаешь? Никому лекции не читать, ни с кем в споры не вступать. Ты услышал меня? Не кривись, всю жизнь приходится с кем-то считаться. Иначе не дадут работать, не посмотрят на заслуги. С тобой очень сложно.

– Но это для их же блага... Ладно, я понял.

Или он ошибся, принудительно вводя обработку рук медиков хлорной известью? Но молодой акушер выяснил опытным путем, что всему причиной грязь. И лучше ее ничто не уберет. Не сжигать же, в самом деле, по старинке вещи и целые дома!

Но люди просто не хотят работать по-новому. Хотя в больнице дисциплина почти военная и результаты применения методики надежны. А врачи твердят одно: хлорка, мол, руки разъедает. И воняет – въедливый запах преследует всех его врачей, стоит провести какое-то время в отделении.

И кто знает, что повлияло на мнение главного акушера Венской больницы Клейна? Мнимая скандальность заведующего вторым отделением? Лень и невежество коллег? Может, главврача устраивает именно такой Клейн: беззубый и ведомый человек на этой должности после активно-

го и знающего Боэра. Да и запах хлорки его тоже раздражал. Земмельвейс не видел, как начальник морщился при его приближении. Конечно, друзья его пытались предупредить. Но он всегда столько работал, что не замечал таких вещей, не хотел никого слышать. У него не было другой жизни, вне больницы. И запах хлорки его как раз радовал, это означало спасение, жизнь.

Что вот ему, Земмельвейсу, вменили в вину? Несоблюдение дисциплины и субординации. Известно почему – накричал недавно на чиновника. Тот явился к нему в отделение договариваться о родах жены. Многие приходили с такими просьбами – попасть именно в его отделение. В соседнем умирает от родильной горячки каждая третья, почти как везде, а у него мало кто болеет. И ладно бы пришел просить – нет, с порога началось. Отчего, мол, так сильно воняет? На кого угодно накричал бы, кто работать мешает. И тут нет его ошибки! Игнац упрямо встряхнул головой, отменяя сомнения.

Клейн, конечно, не чихнет без высшего соизволения. Так боится служебного расследования в больнице, что не считается ни с чем. Пусть лучше умирает каждая третья в обоих отделениях, чем менять привычные методики. Зато никто ничего не будет искать!

Над самим Земмельвейсом тучи сгущаются. Друзья сказали, что ходят слухи о его невменяемости, а не просто склочности. Значит, клиники не разбегутся его брать на работу. Не так уж широко медицинское сообщество, все друг друга знают. И чьей-то злобной сплетни хватит, чтобы забыть о его заслугах. Никто не хочет жалоб и постоянного запаха хлорки.

Недавно Игнац Земмельвейс читал лекции перед научным сообществом о полученных результатах и очевидных выводах. Многие поздравляли, но на том все и закончилось. Уволили без всяких сожалений и разбирательств. Еще неделя – и больше он никому не нужен.

Фигура в капюшоне стояла перед пока еще заведующим вторым отделением и просила о беседе. Впрочем, как просила... Скорее, настаивала:

– Мы можем быть полезны друг другу, месье Земмельвейс. Мы наслышаны о ваших исследованиях и хотим дать им ход.

– Вы иезуит, святой отец? – Игнац сразу понял, что перед ним монах. Раз он ищет власти знания, значит, из какого-то ордена. Тем более это странное «мы».

Фигура покачала головой:

– Нет, но направление вы угадали. Я – мальтийский рыцарь Марсель де Браас. Мы много занимаемся госпиталями и больницами. Нам нужны ваши знания и опыт. И я предлагаю вам широкие возможности их применения.

Земмельвейс слушал и думал. У него очень мало сторонников. А поддержка ой как нужна... Не двинуться дальше, жить и то не на что. Сбережения закончатся быстро, он не обманывался иллюзиями.

– Мы слышали ваш доклад от пятнадцатого мая, и у нас есть текст. Не спрашивайте откуда, – остановил месье де Браас жест собеседника. – Слишком уж банальный был бы вопрос. Так вот, мы считаем, что обязаны взять ваши эксперименты под свое покровительство.

– Медицинское сообщество не желает принимать истину. Уже сейчас, имея документы на руках и здоровых женщин.

– Это не совсем так. – Рыцарь лучше знал возможности врача. – Я могу обрадовать. Вас готовы принять без права обучения и посещения мертвецких. Вас вроде бы эти занятия и не привлекали так уж сильно.

– Ну да, теоретиком – больше... Как же мне исследовать? И применять на практике то, чем я делился с Веной? – Кажалось, он был в отчаянии от ощущения связанности.

– Да вы и доклад-то не хотели читать, – мягко напомнил рыцарь. – Друзья уговорили.

Догадка озарила Земмельвейса.

– Это ваших рук дело? Вы уже тогда всё знали обо мне...

Прозвучало резковато. Рыцарь едва заметно поморщился:

– Я бы так не сказал. Просто ваши друзья хотели найти для вас возможность высказаться. Мы смогли дать трибуну. А остальное вы сделали сами.

Земмельвейс молчал. Может быть, он впервые столь сильно удивился, что сдерживал взрыв эмоций... как мог.

– С вами сложно, – пожаловался рыцарь словами его начальников и тех многих, кто его критиковал. – Вы фанатик и ждете от остальных того же. А люди живут проще. Даже в работе. Но разговор о другом. Мы готовы оказывать вам покровительство.

– А что вы потребуете взамен? – Врач подумал, что искушение лукавого, должно быть, выглядит именно так. Совсем не пугающе. Когда с рогами и копытами – любому понятно. Рыцарь, правда, монах. Но и там всего лишь люди. Наверное, и интриги тоже имеют место, как везде.

Рыцарь расхохотался, наблюдая выражение его лица. Не в первый раз Земмельвейс почувствовал, что гость читает его мысли.

– Конечно, мы хотим послушания, – отсмеявшись, проговорил он.

– Мне придется стать монахом?

– Совершенно необязательно. Нам не нужна ваша жизнь... Вся ваша жизнь, – уточнил рыцарь. – Но вы сами живете монахом. Как давно и часто вы бываете вне больницы?

Врач все думал. Что он знает о Мальтийском ордене? Ведь его и правда мало что интересовало, кроме медицины, но... В XI веке был основан госпиталь для неимущих в Иерусалиме. В XII веке, кажется, их как орден признал папа римский. Только Земмельвейс всегда считал их военной и религиозной организацией. Чем-то вроде крестоносцев, а там и до инквизиции недалеко. Когда Наполеон

захватил Мальту, их приютила Россия. Императору Павлу был пожалован титул Великого магистра. Но долгое время уже после разгрома Наполеона у них нет этого самого главного, все перестраивается в организации. Хотя госпиталями по всему миру они занимались всегда, даже в самые тяжелые времена, для себя и всего мира. А вот исследования, прогресс? Никогда он не слышал об их роли. Да и как они пережили периоды гонения лекарей, устроенного их... «коллегами»?

Почему он, собственно, должен отказываться? Главное – хорошо договориться. Вот и перестанут судачить, что он, мол, ни с кем не ладит. В конце концов, он никогда не встречал монахов – противников медицины и его теорий. Все оппоненты и ретрограды были в медицине же, не в церквях и монастырях. Так не они ли ему помогут?

– Чего вы все-таки ждете от меня? – уже мягко спросил Земмельвейс. – Я хотел бы знать это заранее. Вы открываете мне почти безграничные возможности в обмен... на что?

Рыцарь не торопился с ответом.

– Мы купим вам практику. То есть дадим вам денег, покажем, из чего выбрать. Помимо этого вы должны взять шефство над больницей без оклада. Любой, на ваш выбор. Только, разумеется, из тех, что с высокой смертностью.

Врач кивнул. Это было ему понятно, да и есть на примете подходящая.

– Смертность в больнице Святого Йоха от родильной горячки – почти треть.

– Орден знает о таких, и, думаю, мы примем этот выбор, – кивнул рыцарь. – Но потребуется еще кое-что. И это, вероятно, будет самым сложным.

– Что же это? – А в голове одна мысль: «Ну началось!»

– Молчание. Держите свои открытия в тайне... Хотя бы какое-то время, пока не проверите всесторонне. Вы ведь не фокусы показываете – науку делаете.

Опять ему закрывают рот, но зато развязывают руки. Почему?

– Давайте уточним, кто и что имеет в виду, – предложил врач. – Что значит молчать? Мне ведь нужно заставить мыть руки хлоркой, чтобы снизить смертность в больнице. То есть медики не могут не знать, что они делают и зачем. И запах никуда не денется.

– Разумеется, – согласился де Браас, мысленно отметив, что Земмельвейс учится держать себя в руках. – Нам нужно, чтобы вы применяли свой опыт и проверяли его. А еще лучше – дополнили бы его. По запаху будет понятно, что используется хлорка.

– Тогда что вы называете молчанием?

– Не торопитесь оглашать результаты вне больницы, даже научному сообществу. Вы только что подвели черту – 15 мая 1850 года. Теперь копите знания, углубляйте, открывайте новое, проверяйте.

– А что потом? – не понял Земмельвейс.

– Обсудите это сначала с нами, и мы решим, как это предать огласке. Согласитесь, вещать с трибуны – не всегда лучший способ.

– Звучит разумно, – кивнул врач.

– Возможно, и выступления хороши перед медиками, и научные публикации. И одно другого не исключает. Но пусть это будут наработки за несколько лет. Проверяйте всё, что вам нужно. И тогда мы с вами – вместе – решим, как это озвучить, опубликовать. Чтобы это поняли и применили как можно больше человек.

После этого разговора, о котором никто не знал, Земмельвейс исчез на несколько дней из Вены. Это стоило ему нескольких друзей. Потом он так много работал, что не заметил, как женился.

– Земмельвейс, будьте осторожны. – Накануне венчания де Браас появился лично. Обычно хватало регулярной подробной переписки.

– Вы говорили, что мне не нужно быть монахом, – напомнил врач.

– Да, но дело в другом. Вы становитесь уязвимы. Вы уверены, что ваша невеста, став женой, будет всегда на вашей стороне? Хотя бы для окружающих. Если она на это способна, мне остается только поздравить вас.

Из донесения рыцаря справедливости Марсея де Брааса Великому госпитальеру Мальтийского ордена 31.12.1858:

«Врач Игнац Земмельвейс в этом году по нашему разрешению опубликовал несколько статей, выступил перед медиками и выпустил книгу. Приняли все хорошо, но это мало изменило ситуацию в целом. Врачи рук не моют под любым предлогом. Враги метода не дремлют и собирают компромат на Земмельвейса. Доходят до провокаций, лишь бы потом рассказывать всем, что врач стал агрессивным и совершенно неуправляемым. Надеюсь, он выдержит все это».

Из донесения рыцаря справедливости Марсея де Брааса Великому госпитальеру Мальтийского ордена 16.08.1865:

«Мы не успели, сработано было слаженно и очень быстро. Земмельвейса при помощи семьи заманили в психиатрическую клинику и закрыли. Пока мы узнали об этом, пока я смог приехать, прошло почти десять дней. Я увидел его вчера. Это было ужасно. Вы знаете, я многое видел, бывал в битвах, в госпиталях. Земмельвейса избивают ежедневно, на нем нет живого места, он никого не узнает. По бои спровоцировали болезнь от инфекции, и его не лечат. Протоколы врачей неполны, противоречивы, иногда откровенно лживы. К сожалению, нам его уже не спасти, настаивать на переводе в наш госпиталь бесполезно».